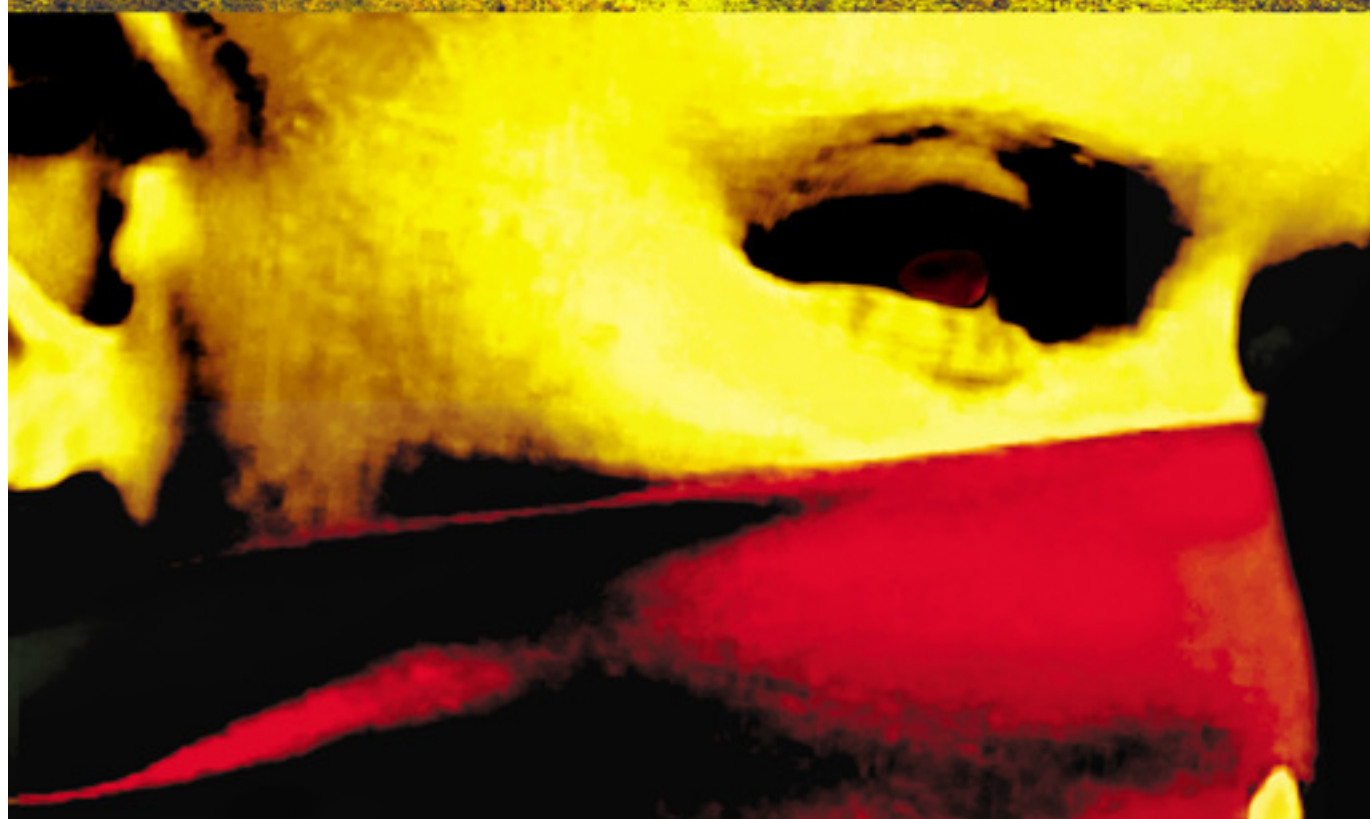

БИТВА ЗА УКРАИНУ

КРОВЬ ДОНБАССА

АНДРЕЙ МАНЧУ

Андрей Манчук
Кровь Донбасса
Серия «Битва за Украину»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8249808
Кровь Донбасса / Андрей Манчук.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0821-5

Аннотация

Автор этой книги – известный украинский журналист. Журналист, который сделал свой выбор, и сегодня он не совпадает с выбором официальных киевских властей: дома у Андрея Манчука проходят обыски, а сам он вынужден скрываться от украинского «правосудия». Дело в том, что помимо журналистской деятельности автор еще и активист движения «Боротьба», которое с самого начала украинских событий выступило против олигархического «майдана», а затем заняло жесткую позицию защиты жителей Донбасса от карателей киевской хунты. Среди антифашистов – участников «Боротьбы» есть и те, кто погиб в одесском Доме профсоюзов.

В своем расследовании, написанном от первого лица, Манчук, прекрасно знакомый изнутри с украинской политикой, рассказывает всю историю украинского противостояния, от первых митингов на майдане Независимости до несдающегося Славянска. Автор отлично знает подноготную событий, лично знаком со многими их участниками. Его наблюдения и выводы в корне противоречат не только тому, что говорят «майданные» СМИ, но и заметно отличаются и от того, чем кормит россиян наша официальная пропаганда.

Эта книга незаменима для всех, кто хочет вдумчиво и детально разобраться в украинской ситуации, не становясь жертвой профессиональных агитаторов.

Содержание

Предисловие	4
Не зовите войну	6
От мифов – к Тягнибоку	8
Ирония истории и постсоветский национализм	11
Почему антикоммунизм?	14
Факторы «Свободы»	18
Русь, секс и мои родственники	22
Донбассофобия	24
Вино разлива 2011 года	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Манчук

Кровь Донбасса

Предисловие

Это книга о том, как Украина пришла к войне, которая с каждым месяцем становится все более разрушительной и кровавой. Многим из тех, кто не следил за провинциальной в представлении россиян украинской политикой, кажется, что все случилось внезапно – вспышка «Евромайдана», националистическая истерия, охватившая после его победы украинское общество. И затем, уже через несколько месяцев, дикие и бессмысленные военные преступления, которые казались прежде немыслимыми: ракетно-бомбовые авиаудары по мирным городам Донбасса, ураганные обстрелы жилых домов, заживо сожженные в одесском Доме профсоюзов или застреленные после парада в Мариуполе люди.

Такова цена за то, что российское общество практически не интересовалось тем, что творилось в Украине в течение последних лет, когда здесь постепенно укреплялся альянс «прозападных» либералов и украинских националистов, чей противоестественный на взгляд неискушенного наблюдателя, но совершенно логичный в реалиях постсоветского пространства союз обеспечил все – победу Майдана и войну для Украины. Сторонники «демократических ценностей» легитимизировали зигующих борцов с этими ценностями, защищая и героизируя их погромное насилие на улицах Киева и всей Украины. Запад публично поддерживал все действия ультраправых – включая уничтожение исторических памятников, а либеральные СМИ сделали все, чтобы их националистическая идеология стала доминирующей в обществе, где ее прежде считали маргинальной. И тысячи культурных и образованных людей, как будто бы обезумев, вдруг стали «скакать» на главной площади страны под ксенофобские речевки футбольных фанатов, распевая их матерные куплеты и совершенно не задумываясь о том, к чему это приведет Украину.

Шовинистическая истерия, которая постепенно раздувалась в обществе через патриотическую мифологию, государственную пропаганду и систему образования, превратила Украину в огромный котел, где постоянно разжигались и подогревались ксенофобские настроения против «внешних» и внутренних «врагов нации». Согласно законам физики, этот котел был обречен рано или поздно взорваться. А энергию этого разрушительного взрыва использовали те, кто двадцать три года занимался системным грабежом всего, что было создано в «тоталитарные» советские времена.

Бесспорно, они понимали, что существовавшая в «до-майдановских» границах Украина – прямая наследница интернациональной УССР, созданная демонизированными ныне коммунистами на основе разных в культурно-политическом плане регионов, – могла существовать только на условиях демократического компромисса между их жителями. И провозглашенный с Майдана лозунг с требованием «покончить с наследием советской Украины» с неизбежностью приведет к развалу этого государства, на судьбы которого всегда было наплевать «патриотическим олигархам». «Можно не сомневаться, что, выступая под лозунгами целостности, соборности и суверенитета, национализм всячески поспособствует распаду Украины – прекрасной страны, которую так плохо знают заклинающие ее именем шовинисты. Как это уже случилось в Грузии», – писали мы пять лет назад, наблюдая, как легитимизированные либералами нацисты берут под свой контроль западный регион, а затем проходят в парламент, после чего крах слабого и гнилого режима Януковича при любых вариантах открывал для них дорогу к власти.

Так и случилось. Страна, которую годами воспитывали в ксенофобском, шовинистическом духе, обвиняя во всех ее проблемах наследие «Совка» или козни «Рашки», закономерно стала первым государством с момента окончания Второй мировой войны, которое допустило к власти открытых сторонников неонацистской идеологии, легализовав их вооруженные отряды и дав им право безнаказанно убивать несогласных. Война, которая стала трагедией для миллионов людей, явилась благословением для нового киевского режима, которые откровенно использует ее для того, чтобы удержать власть, списав на нее экономический кризис, коллапс промышленности и банковской системы, рост цен и социальную катастрофу, которую усугубят запредельно высокие коммунальные тарифы, введенные ради новых кредитов под диктовку МВФ.

То, что мы видим сейчас – только первый акт украинской трагедии, которая будет продолжаться, пока у власти находятся все те же полностью зависимые от Запада рыночные фундаменталисты в союзе с ультраправыми радикалами. Но именно поэтому важно помнить о том, как пришли к власти эти «патриоты Украины», ставшие сегодня ее убийцами.

Не зовите войну

Вечером 19 января 2014 года, освещая столкновения на улице Грушевского, я поймал себя на том, что вокруг меня то и дело звучит слово «война».

И ультраправые фанаты, швырявшие бутылки с бензином, и обыватели, издали глазевшие на это яркое фаер-шоу – все вокруг дружно называли происходящее войной. Причем произносили это слово не с ужасом, а с откровенным восторгом – как будто они многие годы ждали войну у себя на пороге.

Конечно, я знал, что театр этой войны ограничивается одним кварталом – и уже за углом, на соседних улицах, идет совершенно мирная жизнь, а дорогие рестораны и бутики на Европейской площади ни на минуту не прекращали свою работу. Но пугает именно то, что, привыкнув к такой «войне», которую можно было бы назвать «потешной» и карнавальной – если бы не ранения и увечья, которые получили в ходе столкновений десятки людей, – кто-то захочет пойти дальше «коктейлей Молотова». И тогда слова «война в Украине» можно будет писать без кавычек.

Проблема в том, что большинство воинственно настроенных граждан по обе стороны искусственно разделивших страну баррикад не представляют, какие последствия может иметь для них и для всех нас настоящая война. Несколько поколений украинцев знают об этом чудовище лишь понаслышке – как жители Озерного города, которые перестали верить легендам о давно заснувшем драконе Смоге. Раньше о войне узнавали из книжек – а теперь о ней получают представление из блокбастеров и компьютерных игр, где процесс уничтожения и убийства себе подобных выглядит развеселым и захватывающим занятием. К войне относятся именно как к игре. Это заметно и по событиям на улице Грушевского – где некоторые участники столкновений бегают на протест в опереточно-казачьих или толкиенистских костюмах, стреляют из пейнтбольных ружей и пытаются реконструировать средневековую катапульту.

Война не пугает большинство из этих людей. Они твердо знают, что кровь убитых нарисована на компьютере, а если убили тебя или твоих друзей, достаточно перезагрузиться с сохраненного на диске файла. Не говоря уже о том, что известная часть нашего общества годами воспитывалась на романтическом культе тех, кто обильно проливал свою и чужую кровь, считая их героями и образцом к подражанию для новых поколений украинцев.

Это легкомысленное отношение к войне опасно экстраполируется на политическое противостояние в Украине. Его виртуальные участники яростно призывают к войне на политических форумах и на ленте фейсбука, придумывая самые изуверские казни для своих идейных противников. Если бы скопившаяся здесь ненависть вдруг получила материальную силу, вся наша страна покрылась бы мертвыми телами. Причем, представители обеих сторон убеждены, что в будущей гражданской войне победят именно они – а убьют и замучают кого-то другого. Нас-то за что?

Конечно, те, кто сейчас кричит о войне, на самом деле не верят в то, что она когда-нибудь начнется у нас всерьез, а не понарошку. И совершенно напрасно. Новейшая история многих не столь отдаленных, а то и совсем близких к нам стран показывает, как легко начинаются настоящие войны и какими страшными, длительными и системными оказываются их последствия – в чем мне пришлось убедиться собственными глазами.

Жители приднестровского города Бендеры ничем не отличались от обитателей сопредельных сел и городов Молдовы – гораздо меньше, чем львовяне отличаются от луганчан. Вряд ли кто-то мог предположить, что эти люди будут несколько лет воевать друг против друга – в кровавом и, как сейчас всем кажется, абсолютно бессмысленном конфликте. Чеченцы в разрушенном тогда Грозном рассказывали нам, что они с их русскими и украин-

скими соседями с детства доверяли друг другу ключи от своих квартир. Южноосетинский Цхинвали был ранее обычным многонациональным советским городом с давно перероднившимся между собой населением. Женщина, которая показывала нам в августе 2008 года подвальное убежище жильцов своего пострадавшего от грузинского обстрела дома, имела грузинскую фамилию и говорила, что половина ее родни живет в Тбилиси. Этим людям не было никакого смысла убивать друг друга – однако политики думали по-другому и заставили так думать других.

В Косовской Митровице мы видели речушку Ибар, которая ранее разделяла между собой соседские дома. Раньше люди ходили через эту реку за хлебом, а теперь она стала полувоенной границей между сербской и албанской общиной, с колючей проволокой и американскими броневидами на каждом мосту. В ливанском Бейруте такой же границей была «Зеленая линия» – улицы в центре города, между его христианскими и мусульманскими кварталами. А в Каире, который еще вчера был мировым туристическим центром, люди вдруг начали убивать своих соотечественников десятками и даже сотнями в день.

В каждой такой стране можно встретить людей, которые беспомощно пытаются объяснить – не столько вам, сколько сами себе, – как случилось, что будто бы безобидная вражда с «неправильными» соседями, похожая на соперничество футбольных фанатов, вдруг переросла в бойню, которая стоила им потерянной судьбы, испорченного здоровья, разрушенных домов и погибших близких?

«Ведь мы же этого не хотели. По крайней мере – для себя».

Стоит добавить, что война никогда не кончается с последним выстрелом. На всех пострадавших от нее регионах десятилетиями лежит печать ее разрушительных последствий – нищета, стагнация, блокпосты и до сих пор не восстановленная до конца инфраструктура. Но главное – война кардинальным образом меняет психологию прикоснувшихся к ней людей. Общаясь с жителями поствоенных стран и регионов, понимаешь: это поколение живет старыми кошмарами, веря в то, что война может повториться в любой момент. И строит от этого комплекса свою жизнь и жизнь собственных детей.

Кто может поручиться, что случившееся у наших соседей не может случиться у нас, где люди привыкли каждый день объясняться друг к другу в ненависти? Конечно, большинство из воинственных обитателей интернета – это сугубо мирные и вполне интеллигентные люди, которые не способны убить своими руками цыпленка. Но в бедной, отчаявшейся стране, где массы людей готовы продаваться за сотню гривен «майданарбайтерами» и «титущками», найдется множество тех, кому война придется по вкусу – как прибыльное и увлекательное занятие, с возможностью самоутвердиться за счет страданий другого. Тонкий слой человечности может слезть с нашего общества, как кожура с гнилого банана. А жертвами этого непременно станут и те, кто призывал беды на голову сограждан. Проснувшийся дракон сожжет весь город, не разбираясь, какого цвета флаги на крышах его домов.

Когда политики кричат о том, что земля будет гореть под ногами ваших врагов, не забывайте, что это и ваша земля. Подумайте над тем, стоит ли вам отдавать жизнь за их интересы, которые выдают за интересы нашей родины и народа, – с какой бы стороны вас к этому сегодня не призывали.

И не зовите войну в дом соседа – чтобы она не зашла к вам по дороге.

20 января 2014 г.

От мифов – к Тягнибоку

Скандалные выборы в Тернопольский облсовет прогнозируемо закончились победой ультраправого «Всеукраинского объединения "Свобода"». Националисты набирают здесь не менее 34 процентов голосов. А их лидер Олег Тягнибок, прославившийся пламенной речью в память борцов с «москалями, немцами и жидвой», уже объявил, что двери Верховной Рады Украины открыты для его партии на ближайших парламентских выборах.

Они в самом деле открыты – и достаточно широко. К примеру, как раз накануне в газете «Голос Украины» – официальном издании украинского парламента – вышла характерная статья в шовинистическом духе. Помимо избитых истин о самой древней в истории украинской Трипольской цивилизации, в ней на полном серьезе рассказывалось, что праукраинец Будда кочевал когда-то по просторам Полесья:

«Именно потому имеет правдоподобный вид версия, что Будда принадлежал к скифскому народу будинов, проживавшему во II – I тысячелетиях до н. э. (по Геродоту) на территории Древней Украины. Имя этого народа сохранилось в названиях населенных пунктов Середина-Буда (Сумщина), Буда (Черниговщина) и т. д».

До этого считалось, что типичные полесские топонимы Буда, Будище происходят от названия поташных промыслов XIX века. Однако Валерию Бебику, автору этого опуса, безусловно, виднее: ведь он доктор политических наук, профессор и председатель правления Всеукраинской ассоциации политических наук. А главное – автор издания высшего законодательного органа Украины.

Посмеявшись над этим вдоволь, нам надо признать, что Будда из Будищ в официозной правительственной газете отнюдь не является частным примером и комическим исключением. Речь идет об общественной тенденции. К примеру, «Украинская правда», популярный ресурс с претензией на статус главного политического сайта страны, в эти же дни опубликовала у себя «политический анализ» украинского общества, выполненный в лучших традициях биологического детерминизма:

«Украинцам, в данном случае, коренным аборигенам или постоянным обитателям на пространствах от Дона до Сяна и от Полесья до северных берегов Черного моря присущи такие особенности мироотношения, которые природным образом превращают их в носителей правополитической ориентации и симпатий... Представители других народностей или этнических групп... например, еврейская община, как правило, склонны к мироотношению в русле либерализма... Продуцентами и носителями спроса на национал-социализм являются оседлые украинцы, которые отдают предпочтение уюту коллективного взаимодействия и ответственности... Представители других народностей или этнических групп, которые проживают в Украине в первом-третьем поколении, в основной массе склоняются к коммунизму, анархии, а чаще всего к космополитизму. Космополитами, анархистами их делает определенный диссонанс между их этнической принадлежностью, менталитетом и спецификой природной среды и особенностями культуры титульной нации... Коммунистическая идея симпатична тем, кто склонен искать легкого счастья на чужбине. Коммунистам принципиально противопоказана способность к хозяйствованию – напротив, они являются выраженными или латентными источниками общественной деструкции...

Характерными признаками коммунистов и космополитов является их склонность к аморфному социальному атомизму, пренебрежение всем "святым" для титульной нации».

Эти вдумчивые рассуждения, которые украсили бы собой полосу любой нацистской газеты, опубликованы сайтом, который был некогда основан покойным журналистом Георгием Гонгадзе и позиционирует себя либерально-демократическим ресурсом «европейского образца». Хотя расистские рассуждения подобного рода никогда не появились бы ни в одном

серьезном политическом издании Европы – точно так же, как в парламентской газете Германии или Франции вряд ли могли быть напечатаны псевдоисторические статьи в духе господина Бебика. Разумеется, это не говорит о том, что Европа свободна от проявлений идеологии ксенофобии и расизма. Однако позорные материалы на «Украинской правде» и в «Голосе Украины» лишний раз показывают, что расистские предрассудки, питаемые наукообразной мифологией, глубоко укоренены в общественном сознании охваченной кризисом Украины.

Культурные, образованные люди обычно посмеиваются над трипольской ахинеей в украинских газетах. Однако здесь нет ничего смешного – особенно в том факте, что она постоянно муссируется в телепередачах, газетах и на занятиях в школах и вузах страны. То, что президент Украины не ставит под сомнение подлинность «Велесовой книги» и предлагает законопроекты о «памятниках сакральной культуры», – вовсе не анекдот, а тенденция нашего темного времени, когда политики играют на предрассудках своего народа и культивируют эти предрассудки, направляя социальное недовольство в русло шовинизма и национальной вражды. Эти дикие и темные идеи могут без труда овладеть полуобразованными отчаявшимися массами – и тогда слово «погром» вернется в нашу жизнь из исторических книг со скоростью пули, летящей в сторону «космополитов» и «инородцев». Леон Фейхтвангер когда-то предупреждал об этом в антифашистском романе «Семья Опперман», демонстрируя, как патриотическая легенда об Армии Германце использовалась для внедрения нацистских идей, овладевая детским сознанием, калеча судьбы и забирая жизни.

Нынешняя победа «Свободы» является политическим результатом гегемонии правой идеологии, совершенно закономерным в условиях охватившего страну кризиса. Конечно, можно не придавать значения частному успеху националистов в специфическом регионе со старыми клерикально-националистическими традициями, чья социальная природа блестяще описана Стефаном Тудором в повести «День отца Сойки» (книга осталась неоконченной, так как ее автор погиб под сброшенными на Львов гитлеровскими бомбами). Тернопольщину легко заклеить ярлыком «националистическое болото» – но надо увидеть за этой фразой бедный регион с разрушенной экономикой, обескровленный массовой трудовой миграцией за границу. «Сегодня в области не работает большинство предприятий. Те, которые остались, растягивают по частям. Молодые и активные подались на заработки. Сегодня писем в Италию пишут больше, чем в Россию, на малину или клубнику в Польшу ездят чаще, чем на отдых в ближайший лесок. Женщина с двумя высшими образованиями несколько лет вынуждена была работать в далеких странах, ухаживая за чужим стариком. Итальянский столяр с двумя классами за плечами может нанять на свою пенсию украинского "няня" с высшим образованием и недописанной кандидатской», – такую безрадостную картину унижения и нищеты описывал местный сайт «Наше Місто» – еще до начала экономического кризиса, который дискредитировал в глазах избирателей традиционные политические партии Украины. Ультраправая «Свобода» явилась здесь видимостью альтернативы этим субъектам обанкротившейся политической системы – в отсутствие полноценного рабочего движения, влиятельных политических сил левого толка, и под воздействием правой ксенофобской идеологии, которая разрыхлила почву для пропаганды партии Тягнибока.

Тернопольский пример симптоматичен. Пока маловероятно, что вождь «Свободы» перерастет уготованную ему роль электорального пугала и «технического» политика, которого используют в междоусобной борьбе ведущие представители украинских элит. Однако очевидно, что мере развития кризиса в экономике – на фоне обвального падения политических рейтингов – буржуазия может решиться разыграть ультраправую карту в масштабах всей Украины – неважно, с Тягнибоком или же обойдась без его услуг. И новое, малообразованное поколение граждан беднейшей страны Европы, воспитанное на футбольно-пивном патриотизме и примитивной исторической мифологии, приятно тешащей сознание одураченных и ограбленных до нитки людей, вполне может заглотнуть предложенную ему

наживку. Ведь разбитые либеральные иллюзии докризисной эпохи хрустят осколками под ногами, а левая идеология дискредитирована пропагандистскими штампами, которые отождествляют ее с консервативными реакционными партиями по образцу КПУ.

Ответственность за кризис будет переложена в этом случае на упомянутых выше «космополитов» и «инородцев» в лице политических противников режима, – тогда как собственность и капитал олигархов окажутся надежно защищенными кастетами черносотенцев, полицейскими дубинками и армейскими сапогами. А социальные протесты объявят происками врагов Украины и беспардонно подавят их под предлогом спасения «титульной нации и страны».

Кризис с неизбежностью ставит на повестку дня угрозу правой диктатуры, отраженную в кривом зеркале СМИ. Не время гадать, будет ли она реализована в Украине – независимо от этого нам нужно успеть на практике выработать действительную, революционную классовую альтернативу буржуазным политикам и нацистам, которым дали почувствовать сладкий вкус власти. А кроме того, необходимо вступить в борьбу за общественное сознание украинцев, против нелепой патриотической мифологии, противопоставляя ей критический, научный взгляд на нашу историю. Иначе темные мифы, посеянные на благодатной почве невежества и нищеты, равно или поздно прорастут в жизнь темными временами насилия и террора.

Рабкор. ру, март 2009 г.

Ирония истории и постсоветский национализм

Буржуазный национализм, выступивший идеологией реставрации постсоветского капитализма, изначально нес на себе печать неприятия диалектики. В середине девяностых профессор Мария Шкепу рассказывала о том, как декан философского факультета Киевского университета, чуткий к конъюнктуре чиновник, оперативно изгнавший из храма науки марксизм и его адептов, подозрительно принимался и к гегелевскому диалектическому методу. «Ведь Маркс произрастает из Гегеля», – со знанием дела говорил господин Тарасенко, видимо, ожидая соответствующих директив «сверху». Похоже, что немецкую классическую философию спасло от расправы теоретическое невежество вчерашних партийных номенклатурщиков, которые азартно делили на заре девяностых государственную собственность и портфели первых «демократических» кабинетов. Им было не до диалектики – хотя ее законы продолжали с необходимостью определять постановку трагикомической пьесы под названием «история Украины», сыгранную на подмостках свежееобразованного классового государства.

Это было время, когда киевские энтузиасты летели на самолете в Ужгород, услышав, что в местном университете выбросили на помойку массу марксистской литературы. Сегодня трудно сказать, остались ли эти работы в университетских библиотеках других украинских городов, – но спустя годы можно видеть, что диалектика справедливо отомстила нам за себя гегелевской «иронией истории».

Общество реставрации, отвергшее науку о развитии в пользу примитивной иррационально-чувственной идеологии национализма, закономерно оказалось отброшенным в свое прошлое, далеко назад, переживая глубокий регресс в области науки, культуры, экономики и демографии. Общество, выбравшее поклонение мифологизированному прошлому, подменяя апологетикой его критический научный анализ, заслужило новую «Руїну» – темную эпоху всевластных магнатов и их нищих холопов.

«Логика вещей действует сама по себе. И существует страшная месть, которую Маркс и Энгельс, в духе Гегеля, называли иронией истории», – писал в свое время Михаил Лифшиц. «Это та самая нешуточная закономерность, которую Маркс вслед за Гегелем любил называть "иронией истории", – "неизбежной судьбой всех исторических движений, участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и потому ставят перед ними чисто иллюзорные цели"», – дополнял его слова другой блестящий философ – Эвальд Ильенков. Фамилия куда менее знакомая украинской интеллигенции, чем имя Андрея Ильенко, выпускника философского факультета того самого киевского университета, одного из лидеров ультраправой «Свободы», «известного своими сверхрезкими антисемитскими и откровенно расистскими публичными заявлениями и публикациями», – как пишут о нем на «Народной правде». Вполне ожидаемые плоды нового образовательного порядка, который вводили здесь в начале девяностых годов.

А между тем, цитируемые Ильенковым слова в полной мере характеризуют иррациональную природу национализма постсоветских люмпенов и буржуа, который пустил глубокие корни в рабочем классе бывшего СССР. Патриотическая истерия и нелепая болтовня о «трипольских корнях», о мифическом величии прошлых веков и прочей ахинеи, вроде легендарного золота гетмана Полуботка, подменяла и подменяет для нас понимание сути экономических и политических процессов, из года в год разрушающих эту страну. И все задачи и цели, которые пафосно декларировал перед обществом постсоветский национализм, логично переходят в свою противоположность – как в общем, так и в частных деталях.

Нам обещали новую процветающую, великую «европейскую» Украину – в то время как эта вконец обнищавшая, деиндустриализованная страна стала задворками континента, где ее знают по швейцарским дачам олигархов и по армии мигрантов-заробитчан.

Нам говорили о независимости – но среднестатистический украинец во всем зависим от прихоти босса, от произвола коррумпированных чиновников и от валютных спекуляций банкиров. Тогда как посол иностранного государства вручает дипломы выпускникам академии национальной спецслужбы – в то время как другое государство держит нашу страну в наркотической зависимости от энергоносителей.

Нам говорили о возрождении национальной культуры – а мы видим, как превратились в бутики книжные магазины, как разошлись под офисы помещения научных институтов, как упал общий уровень образования и культуры. И подростки, одинаково безграмотные на русском и украинском языках, массово потребляют вульгарные продукты шоу-бизнеса, иногда запакованные в псевдоинтеллектуальную оболочку.

Нам говорили о духовности – в то время как Украина превратилась в международный рынок сексуальных услуг, под благостный звон церковей, строящихся вместо больниц и школ. А конкурирующие между собой предприниматели от религии одинаково исповедуют культ Мамоны – самый справедливый для общества, где продается и покупается все, что имеет рыночную цену. И вызванные наркотиками смертельные грезы (нечто очень похожее на иллюзорные фантазии националистов) остаются единственным способом, с помощью которого заполняют вакуум чувств и мыслей тысячи украинцев.

Нам говорили о здоровье нации – тогда как она вымирает от все той же наркомании и эпидемии «социальных» болезней – туберкулеза и ВИЧ-СПИД. А дети и пенсионеры из бедных семей практически лишены качественной бесплатной медицинской помощи, несмотря на бизнес-аферу жены президента Ющенко вокруг так и не построенной детской клиники. Патриоты смакуют жалкие достижения насквозь коммерциализованного спорта, но вместо спортплощадок в Украине обустраивают ларьки и автостоянки. А табачные, водочные и пивные магнаты – спонсоры футбольных клубов – массово и изощренно убивают ее молодежь.

Украинцам обещали улучшение экологической ситуации – и это обернулось массовым уничтожением парков, лесов и скверов, хищнической застройкой речных и морских берегов, закрытых от нас тюремными заборами частных особняков.

Бессовестная политическая спекуляция на жертвах голода сталинских тридцатых годов проходила на фоне беспрецедентного сокращения населения страны – за счет исхода безработных мигрантов, роста смертности и падения рождаемости. В то время как чиновники зарабатывали на строительстве «монументов национальной памяти», в обезлюдевших селах Украины разваливались коровники и хаты. А патриотические бизнесмены растаскивали не металлолом обанкроченные заводы и резали на металл корабли, которые заменила для нас пара бутафорских казацких «чаек», веселящих своими визитами порты Средиземноморья.

Осталось лишь доиграть пьесу до конца. И можно не сомневаться, что, выступая под лозунгами целостности, соборности и суверенитета, национализм всячески поспособствует распаду Украины – прекрасной страны, которую так плохо знают заклинающие ее именем шовинисты. Как это уже случилось в Грузии, где недалекие националистические политики сами положили Осетию и Абхазию в карман к собирателю новой империи Путину.

Да, это ирония мстительной истории. И в том, что под громкие крики о великой Украине мы превратились помойную яму европейского континента, есть вполне определенная логическая связь. Как оказалось, специфическое понимание любви к Родине, отождествляемое с враждебностью к иностранцам, отнюдь не приносит благосостояния представителям самой «титulyной нации». И пока мы зачарованно внимали бесконечной волюнке патриотических речей, некие субъекты, объединенные отнюдь не по национальному, а по социаль-

ному признаку, растащили по кускам экономику этой страны. Иллюзорные патриотические фантазии, навешанные и навязанные нашему обществу, всегда использовались в совершенно конкретных и рациональных целях. Постсоветский национализм – это механизм управления и контроля в руках правящего класса. Еще в начале девяностых он оказался с неизбежностью востребован нарождающейся буржуазией постсоветских стран в качестве ее классовой идеологии и как один из инструментов общественного господства. Национализм был призван заполнить идеологический вакуум и обосновать властные права вчерашних партработников – детей и внуков крестьян и рабочих, эмансипированных Октябрем. Ведь он по умолчанию выводил традицию их господства над низшими классами со времен летописных князей, великодержавных монархов, средневековых гетманов, миллионеров-сахарозаводчиков, военных диктаторов времен Гражданской войны и фашистских фюреров из межвоенных эмигрантских кругов.

Именно благодаря национализму наши массы остаются послушным орудием в руках давно опротивевших им господ – защищая их интересы под видом «интересов нации и страны». Национализм трансформирует социальное недовольство в ксенофобские предрассудки, консолидируя низы вокруг той или иной фракции национальной буржуазии. И играет роль социального наркотика для бедных, обездоленных, малообразованных людей, которые особенно охотно верят героическим мифам о великом прошлом своей страны – и живут этим вымышленным прошлым, укрываясь в нем от позорного прозябания своего народа.

Такова ирония истории, ее страшная месть тем, кто обернул развитие своей страны назад, в ее темное прошлое. И можно быть уверенным, что история будет беспощадной к народу, отказывающемуся учиться даже на собственной шкуре, которую живьем снимают с него его господа.

Рабкор. ру, май 2009 г.

Почему антикоммунизм?

В конце ноября два депутата от правой президентской фракции «Наша Украина» внесли на рассмотрение парламента законопроект «О запрете коммунистической идеологии и ликвидации символов тоталитарного и коммунистического режимов». Будучи заведомо непроходным, он тем не менее интересен попыткой определить очертания того призрака, против которого ведут пламенную борьбу современные украинские антикоммунисты:

«Коммунистической идеологией считается система концептуально оформленных представлений, идей и взглядов на политическую жизнь, основанных на нетерпимости одного социального класса (социального слоя) по отношению к другому, антигуманизме и тоталитаризме, предусматривает развитие идеи о превосходстве одного социального класса над другим, верховенстве одного класса и государства над личностью, отрицание права народов и наций на самоопределение, отрицание права частной собственности на средства производства, любые силовые действия на установление диктатуры одного слоя, агрессию к другому социальному слою, нетерпимость к другим мыслям, установление однопартийной системы управления. Под коммунистической идеологией также понимается трактовка ее разных форм в изложении ее основных представителей: В. Ленина, И. Сталина, М. Цзэ-дуна, К. Маркса».

Из этого фрагмента законопроекта, который молчаливо одобрила известная часть украинской интеллигенции, видно, что его авторы трактуют понятие коммунистической идеологии в самом широком смысле этого слова – как комплекс идей, берущих начало от основоположников марксизма. Однако мало кто обратил внимание, что тезис о «превосходстве одного социального класса над другим, верховенстве одного класса и государства над личностью», по существу, отражает нынешнюю ситуацию в украинском и постсоветском обществе. А инициатива депутатов Зайца и Джоджика, равно как и антикоммунистическая пропаганда украинской буржуазии, в конечном счете является проявлением идеологической борьбы за контроль над государственной властью и господство над гражданами нашей страны.

Украинский антикоммунизм парадоксален тем, что, на первый взгляд, его идейный посыл направлен на борьбу с призраками, абсолютно далекими от реалий политической и общественной жизни. В самом деле, мало кто из представителей нашей выморочной интеллигенции всерьез опасается возвращения коммунистического режима советского образца или сталинского террора тридцатых годов. Сколько-нибудь сведущий в политике человек вряд ли поверит в то, что Компартия Украины вдруг сможет прийти сегодня к власти в этой стране. Самые прозорливые представители украинских «национал-демократов» наверняка догадались, что прочно вросшая в государственный аппарат партия Симоненко полностью удовлетворяется удобной ролью младшего партнера Партии Регионов, а теперь – блока Юлии Тимошенко. И не стремится к власти еще со времен проданных Кучме выборов девяносто девятого года. А кое-кто даже готов признать, что КПУ является консервативной и правой по своему идейному существу партией, банально присвоившей себе электоральный «коммунистический» бренд вместе со старой советской символикой. Наконец, большинство национал-патриотов наверняка понимают, что неолиберальная Россия Абрамовича, Дерипаски, Прохорова и Ксюши Собчак лишена всякой идеологической связи с коммунистическим прошлым – если не считать переделанного гимна почившего Михалкова.

Тем не менее градус антикоммунистической риторики повышается в украинском обществе с каждым годом, который отделяет нас от времен развалившегося СССР. Это выглядит абсурдным и парадоксальным – в стране, где отсутствуют сколько-нибудь влиятельные партии и движения с собственно левой программой, а профсоюзы выполняют роль смиренной прислуги работодателей, – в этой стране не устают призывать к крестовому походу

против левой идеи. Украина неотвратимо погружается в пучину социально-экономического кризиса: однако правые интеллектуалы, равнодушные к насущным мелочам современной жизни – вроде безработицы, трудовой миграции и народной нищеты, – предпочитают облачать прошлые деяния «коммунистического режима». При этом они не только гиперболизируют его реальные преступления, но и вменяют ему в вину социальные достижения и заслуги – вроде массового бесплатного здравоохранения, образования, культурного просвещения, социальной динамики и эгалитаризма. Демонизация «советского прошлого» давно приняла всеобщий характер. Вместо попыток объективного анализа истории СССР обществу навязывается двухмерное пропагандистское представление об эпохе абсолютного зла, в сравнении с которым меркнут все беды нашей «посттоталитарной» современности.

Но именно в этом и состоит суть и смысл антикоммунистической пропаганды. Обращенная против прошлого, она в действительности служит орудием борьбы за будущее этой страны. Антикоммунистическая риторика направлена не против призрачного субъекта ушедшей в прошлое советской эпохи. Она ставит своей целью заведомо дискредитировать любой левый проект преобразования нашего общества, альтернативный нынешнему рыночному царству буржуазии. А заодно – сгладить в нашем сознании очевидные последствия ее почти двадцатилетнего господства на постсоветском пространстве.

Парадоксально, но, расписывая мнимые и подлинные преступления советских времен, буржуазия пытается оправдаться за собственные преступления эпохи рыночной реставрации. Пропагандистская акция Службы безопасности Украины, возбуждающей дела против давно расстрелянных «организаторов голодомора», абсурдна не только потому, что она нарушает формальные правила украинского законодательства, запрещающего уголовное преследование мертвецов. Она выглядит запредельно циничной на фоне полного бездействия украинских спецслужб по отношению к ныне здравствующим и процветающим олигархам, чьи правонарушения очевидны для миллионов украинских граждан. И это бездействие, на фоне показушной борьбы с давно умершими людьми, демонстрирует, что мы имеем дело с социальным заказом классового государства: обвинить прошлое, чтобы оправдать настоящее.

Говоря о давнем голодоморе, они пытаются отвести от себя вину за сотни вымерших в последние годы сел и катастрофическую социальную депопуляцию населения Украины с начала девяностых годов – факт которой вынужден официально признать даже нынешний президент.

Говоря о бедствиях украинских крестьян тридцатых годов, они покрывают чудовищную «руїну» украинского села, которая начинается прямо за городской чертой Киева.

Говоря о железном занавесе, они хотят оправдаться за миллионы трудовых мигрантов и за всех тех людей вне прослойки офисного среднего класса, которые никогда не летали на самолетах и забыли, что такое курортный отдых.

Говоря о терроре НКВД, нам предлагают забыть об охотящихся на людей феодалах и владельцев джипов, безнаказанно убивающих на дорогах «маленьких» украинцев.

Смеясь над штампованной фразой «в СССР не было секса», они хотят реабилитировать массовый экспорт украинской проституции и расцвет международного секс-бизнеса в Украине. А напоминая о государственном вмешательстве в частную жизнь, желают скрыть то, что наша нынешняя жизнь во всем зависима от диктата рыночной конъюнктуры.

Наконец, разговоры о диктатуре КПСС должны закрыть наши глаза на тот факт, что нынешние элиты герметично закрыты от «простых украинцев» – и никакой сельский паренек уже не может сделать сегодня карьеру главного финансиста и президента страны.

Этот посыл сводится к старому циничному афоризму Уинстона Черчилля. Рыцарь кровавых имперских войн и организатор индийского голода сороковых годов, он иронически называл буржуазную демократию «наихудшей формой правления – если не считать всех остальных». «Да, вы живете бедно и плохо. Да, вами правит кучка олигархов и пристроив-

шаяся к ним клиента. Да, в этом обществе нет справедливости, и у вас нет в нем никаких будущих перспектив. Но посмотрите, что было раньше, и посмотрите, от чего спасла вас эра рыночных свобод», – вторит ему украинская буржуазия устами авторов антикоммунистических статей и телесюжетов. Крах мифа об обществе равных возможностей и всеобщего рыночного процветания фактически оставляет у них лишь этот, последний и решающий аргумент.

Больше того – буржуазия умудряется выставить наследие советской эпохи в качестве главной причины всех нынешних несчастий. Новое поколение украинских избирателей, которое на полном серьезе не может представить, как можно бесплатно получить от государства квартиру в столице (пусть даже после многих лет очереди), вполне может поверить, что разбросанные по всей стране руины коровников и свинарников стоят в таком виде как минимум со времен сталинской коллективизации. Эта малообразованная генерация украинцев, воспитанная на правых пропагандистских штампах, отождествляет само понятие левой идеологии с преступлениями сталинизма и целиком демонизированной советской эпохой. Любые попытки ее объективного анализа, выходящие за пределы антикоммунистической парадигмы, грозят сегодня общественным остракизмом. Его жертвой стал даже вчерашний любимец украинского мидл-класса, либеральный экономист Арсений Яценюк. Из популистских соображений он напомнил избирателям о преимуществах советского государственного планирования в экономике – в качестве необходимого условия для выхода из социального кризиса. И был заклеен за это как сторонник ГУЛАГов и голодоморов.

Наряду с идеологией национализма – этим фактором иронии истории, о котором мы подробно писали в прошлой статье, антикоммунизм служит важнейшим инструментом общественной регуляции в руках правящего класса Украины. Буржуазия успешно перенаправляет социальное недовольство масс на «враждебных инородцев», а также на пропагандистский жупел «преступного наследия коммунистического режима». А вросшая во власть КПУ вкупе с пророссийскими шовинистами партии Витренко создают осязаемый образ врага, подыгрывая тем самым антикоммунистической пропаганде – в которой кровно заинтересована сама верхушка Компартии.

Национализм и антикоммунизм дают в сумме навязанную нам пропагандистскую концепцию этнического геноцида украинцев. Она прорастает в массовом сознании десятками ксенофобских статей и десятками тысяч антисемитских комментариев в интернете. В то время как научный экономический анализ, который, не оправдывая виновников голода, объясняет порочную логику их действий, срывая наброшенный на них ярлык умышленного и едва ли не ритуального убийства, можно встретить разве что в работах левого советского диссидента Бориса Кагарлицкого. Но не в книгах украинских историков, работающих в русле государственной конъюнктуры. Неудивительно, что всякий разговор о социализме – к примеру, перед аудиторией гуманитарной студенческой молодежи, – почти неизбежно соскакивает с темы актуальных социальных проблем к вульгарным антикоммунистическим перепалкам.

Последствия этой превентивной классовой войны против левой идеологии могут быть особенно важны сегодня, в момент экономического и политического кризиса, который дискредитировал буржуазную демократию среди миллионов уставших от нищеты и бесправия украинцев. Анализируя последствия этого разочарования – но не в локальном, а во всемирном масштабе, – Иммануил Валлерстайн указывает на две очевидные альтернативы обанкротившемуся неолиберализму:

«Можно уверенно утверждать, что нынешняя система не выживет. Но нельзя предсказать, какой новый строй придет ей на смену. Выбор будет результатом бесконечного множества отдельных действий. Но рано или поздно установится новая система. Она будет не капиталистической, но может быть гораздо хуже (более поляризованной и иерар-

хичной) или намного лучше (относительно демократичной и относительно эгалитарной). Выбор новой системы – предмет крупнейшего политического противоборства во всем современном мире. Что касается кратко- и среднесрочных перспектив, ясно, что происходит повсюду. Мы движемся в мир протекционизма – забудьте о так называемой глобализации. Мы идем к намного большей прямой роли правительств в производстве. Даже США и Британия частично национализуют банки и умирающие крупные предприятия. Мы идем к правительствам популистского перераспределения, что может принять форму или левоцентристской социал-демократии, или крайне правого авторитаризма. И мы идем к острому социальному конфликту внутри стран, где каждый борется за свой кусок пирога».

Антикоммунизм фактически лишает Украину надежды на человеческую, социалистическую альтернативу либерализму. Общество разложившихся псевдodemократических институтов, где господствуют культивируемые пропагандой правые настроения, обречено рано или поздно выбрать авторитарный путь – в тот момент, когда в нем наконец вспыхнет предсказанный Валлерстайном социальный конфликт. Олигархия однозначно поставит в этом случае на правый авторитаризм. Чтобы под его личиной повторно поработить одуроченные массы – их собственными руками, вскинутыми в приветствии какому-то фюреру.

Кризис отсутствия позитивной левой альтернативы ощущается уже сегодня, в сгущающихся повсюду клубах идеологической реакции. Национал-демократы и национал-либералы, разом разочаровавшиеся во всех своих вчерашних кумирах, мечтают о «сильной руке», делают ставку на рвущихся в парламент ксенофобов или носятся с сумасшедшими проектами «люстрации», считая виновниками всех бед окопавшихся во власти коммунистов. И, наконец, накидываются с молотками на монументы Ленину и другим, давно мертвым деятелям советской эпохи – под насмешливыми взглядами чиновников и буржуа, грабящих и обирающих этих безумцев.

Эвальд Ильенков напоминал нам о предостережениях Гегеля и Карла Маркса: история иронически смеется над судьбой *«всех исторических движений, участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и потому ставят перед ними чисто иллюзорные цели»*. Антикоммунистическая пропаганда, которая, наряду с национализмом, с необходимостью явилась идеологией становления украинской буржуазии, заставляет украинцев бороться с призраками вместо своих действительных социальных врагов – обеспечивая этим их власть над страной. Не в силах выявить подлинные экономические причины своих бедствий, в Украине объявляют крестовый поход прошлому. Что оборачивается слепой борьбой против собственного будущего, в чужих классовых интересах.

В этих условиях нам важно не опускать руки и не избегать массовых аудиторий – где за два слова о социализме вас могут десять раз обозвать пособником массовых убийств. Напротив, задачей современных левых является демаргинализация социалистической идеологии. Дискредитированная тотальной пропагандой правых – а также псевдолевыми политиками, всячески подыгрывающими этой пропаганде, – она является единственной перспективой спасения от управляемого хаоса неолиберализма и «нового порядка» правой диктатуры. Содействие развитию рабочих организаций, становление демократического движения против фашизма и ксенофобии, борьба за объективный критический анализ нашего исторического прошлого – вот что нужно противопоставить сегодня их законопроектам, телесюжетам и молоткам. Валлерстайн, несомненно, прав: выбор нового строя «будет результатом бесконечного множества отдельных действий».

Рабкор. ру, январь 2010 г.

Факторы «Свободы» Почему растет популярность партии Тягнибока?

Выборы в местные советы, которые прошли в Украине 31 октября 2010 года, предсказуемо завершились победой Партии Регионов, упрочившей свою власть над страной. И привели к столь же закономерному поражению ее главного конкурента в лице «Батькивщины» Юлии Тимошенко. Сенсацией представляют сейчас только результат ультраправой партии «Всеукраинское Объединение "Свобода"». Согласно данным социологических опросов, она уверенно перешагнула через пятипроцентный барьер – что гарантировало бы партии Олега Тягнибока парламентские места. «Свобода» уверенно победила в трех западноукраинских областях, традиционно голосующих за правые националистические силы, взяв голоса более чем 30 % избирателей во Львове, Тернополе и Ивано-Франковске. А также увеличила свои прошлые показатели в целом по стране. И хотя окончательные результаты выборов до сих пор не подведены, а лидеры «Свободы» заявляют о фальсификациях, блокируя избирательные комиссии в Тернополе и Ивано-Франковске, ее общий успех остается бесспорным и очевидным. Как и тот факт, что партия Тягнибока имеет все предпосылки приумножить его в дальнейшем.

Впрочем, на деле и эта сенсация была более чем предсказуемой для политических наблюдателей в Украине. Еще задолго до выборов стало ясно, что «Свобода» получит на них значительный результат. Факторы ее будущего успеха заблаговременно анализировали политологи и эксперты. Опросы показывали, что политическая сила, происходящая от Социально-национальной партии Украины – некогда провозгласившей себя «последней надеждой белой расы», – уверенно наращивает свою популярность, оставляя далеко позади своих правых конкурентов. И неудивительно, что этот стремительный рывок вызвал немалую панику среди партий и движений «национал-патриотического» толка.

Главную обеспокоенность результатами «Свободы» высказывали представители партии Юлии Тимошенко, на чье электоральное поле бесцеремонно вторгся Олег Тягнибок. Политтехнологи «Батькивщины», «Нашей Украины», УНП и прочих «оранжевых партий» заговорили о том, что крайние националисты «Свободы» опираются на скрытую поддержку Партии Регионов – или даже самого Кремля. Согласно этому мнению, режим Януковича стимулирует «Свободу» в качестве удобного для себя соперника, способного откусить голоса у Тимошенко, одновременного послужив пугалом для избирателей русскоязычных регионов. Ведь успехи крайних националистов мобилизуют «восточный» электорат на поддержку «регионалов». А самые дальновидные конспирологии уже увидели в Тягнибоке удобного спарринг-партнера Януковича во втором туре следующих президентских выборов.

Эта версия, бесспорно, не лишена внешней очевидности – в том смысле, что определенные связи между представителями «Свободы» и «Партии Регионов», на уровне тех же местных советов в некоторых регионах страны, давно не являются политическим секретом. Однако точно такие же и даже более тесные связи с партией Януковича традиционно поддерживал целый ряд «оранжевых» политиков из списков «Нашей Украины» и Блока Юлии Тимошенко. Ведь, по существу, практически вся правящая элита Украины тесно связана между собой на местном, да и на всеукраинском уровне – через тонкие нити деловых и коррупционно-кумовских связей. А главное, тот факт, что «регионалы» естественным образом используют для своих политических целей набирающую обороты «Свободу», вовсе не делает ее политтехнологическим проектом Януковича – или тем более весьма далекого от украинских реалий Суркова. Очевидно, что за успехом «Свободы» стоят куда более глубокие

причины, чем голый политтехнологический расчет нынешнего украинского президента. И этот успех обусловили социально-экономические факторы, отражающие процессы в обществе посткризисной, «постмайдановской» Украины.

Резкий прирост голосов за «Свободу» был обеспечен за счет бывших избирателей «национал-демократических» партий. Значительная их часть разом отвернулась от вчерашних кумиров в лице Ющенко, Тимошенко, Луценко и прочих «умеренно-правых» политиков, годами эксплуатировавших «языковой» и «национальный» вопрос, – в пользу партии Тягнибока с ее агрессивной риторикой ксенофобии и национализма. Украинским интеллектуалам крайне неприятно признать этот болезненный для них факт – но вчерашний избиратель «оранжевых» «демократических» сил, представлявшийся им носителем высоких «европейских идеалов» Майдана, с легкостью променял эти воображаемые идеалы в пользу одиозной партии Тягнибока, Ильенко и Фарион. Бывших сторонников «оранжевых» не смутило, что эта политическая сила добивается дискриминации иностранных граждан и «пропорциональных» национальных квот в органах власти. А это наглядно показывает, как тонка грань между умеренным «патриотизмом» и оголтелой ксенофобией, которую уверенно перешагнули на этих выборах сотни тысяч проголосовавших за «Свободу» украинцев.

Мотивацией к этому переходу стало разочарование в традиционных партиях «национал-демократического» толка на фоне социально-экономического кризиса, остро усугубившего положение большинства граждан страны. Пять лет после Майдана убедили «патриотического» избирателя в том, что «оранжевые» политики являются составной частью «антинародного режима», против которого они направили одураченные массы. Это разочарование наложилось на болезненные последствия экономического спада. Кризис актуализировал лозунги борьбы за социальные права – и тогда вдруг оказалось, что эти социальные лозунги, по существу, не выдвинула на выборах ни одна партия, кроме эксплуатирующей их «Свободы».

В этом случае, безусловно, дала о себе знать зияющая ниша на левом фланге украинской политики. Ведь вросшая во власть КПУ окончательно превратилась в консервативную партию с ощутимым душком русского национализма и почти не заикается о защите интересов наемных рабочих – а непарламентская левая оппозиция маргинализирована и так не доросла пока до серьезной политической борьбы. Партия Тягнибока вполне предсказуемо заполнила этот вакуум своей риторикой. Она сделала ставку на социальный популизм – совершенно чуждый украинским националистам девяностых годов, которые третировали тоскующих по дешевой советской колбасе «свинопасов». Те «старые» правые и поверить бы не могли, что следующее поколение их движения выступит против капитализма – пусть даже только на словах. Однако двадцать лет рыночных отношений в Украине основательно дискредитировали ценности либерализма, а новые националисты чутко реагируют на изменившуюся конъюнктуру.

Конечно, «социальная» риторика «Свободы» отнюдь не делает из нее «пролетарской» партии. Виктор Уколов, скандально известный политтехнолог Юлии Тимошенко, наглядно показал, что костяк избирательного списка «Свободы» во Львовской области закрепили за собой представители частного бизнеса. Они с очевидностью участвуют в финансировании этой партии – вопреки легендам о решающей спонсорской роли «регионалов». Причем после успеха на местных выборах влиятельные на региональном уровне бизнесмены проявляют к организации Тягнибока еще больший интерес, вливаясь в ее состав и формируя ее местное руководство. Однако это вовсе не значит, что «Свобода» начнет избавляться от своей социальной риторики. Ведь она прежде всего опирается на люмпенизированные массы крестьянства и мелкой буржуазии, разоренные деиндустриализацией, кризисом и ликвидацией социальных льгот.

Еще одной составляющей растущей популярности «Свободы» является многолетняя пропаганда идеологии национализма. «Оранжевым» интеллектуалам грешно сетовать на успех Тягнибока – ведь именно они взрыхлили для него почву, продвигая в общественном сознании историческую мифологию, одновременно занимаясь системной дискредитацией левых идей. «Свобода» без труда приватизировала весь пантеон националистических божков, канонизированных украинской интеллигенцией. И присвоила себе традиционный «марш УПА» в Киеве, превратив его в свой предвыборный митинг – где один из кандидатов партии под аплодисменты публики пел осанну резне рабочих киевского «Арсенала» в 1918 году.

Кроме того, «Свобода» получила активную медийную поддержку украинских СМИ – в рамках право-либерального дискурса, господствующего в среде национальной интеллигенции. Так что эта патриотически настроенная публика несет прямую ответственность за растущую популярность ультраправых.

«Киевское сообщество журналистов, интеллектуалов и политиков, несмотря на предостережение Европарламента, который в феврале 2010 осудил героизацию ОУН президентом Ющенко, последние месяцы не чурается контактов с сегодняшними националистами. Даже самые признанные украинские СМИ, как, например, "5 канал" или ведущее интернет-издание "Українська правда", регулярно предоставляли Тягнибоку и его однопартийцам форумы для распространения их взглядов и популяризации их партии. Увеличившееся медиа-присутствие представителей "Свободы" в электронных СМИ вплоть до середины 2010 года было диспропорционально тогдашней общественной маргинальности националистов. Только с недавних пор возросшая и частично спровоцированная самими СМИ популярность "Свободы" оправдывает ее частое появление в украинских масс-медиа», – еще до выборов констатировал политолог Андреас Умланд, преподающий на кафедре политологии Киево-Могилянской академии.

Электоральные достижения «Свободы» особенно очевидны в западных областях, где она будет играть ведущую роль в формировании местных органов власти. Сразу же после выборов представители «Свободы» начали угрожать импичментом излишне либеральному мэру Львова Андрею Садовому – после чего он поспешил заявить, что его программа мало чем отличается от программы партии Тягнибока. Это неудивительно – ведь еще в начале года, когда депутат Львовского областного совета Ирина Фарион пришла в детский сад, чтобы учить дошколят «правильно» произносить свои имена, львовская газета «Высокий Замок» честно признала: в этом городе попросту боятся «Свободы».

Однако было бы неверно считать, что идеи и лозунги Тягнибока будут иметь успех только на Западе Украины. Действительно, в силу специфики исторического развития правая идеология доминирует в общественном сознании жителей этого региона. Но попытки представить его жителей едва ли не генетическими сторонниками фашизма беспочвенны – на что указывает все та же историческая традиция. В то время как все слои галицкого поликума, от ОУН до клерикалов и либералов, восхищались действиями франкистов во время гражданской войны в Испании, другие выходцы из Галичины и Волыни сражались с фашизмом в составе украинской роты республиканских интербригад.

И в наши дни, несмотря на господство правой идеологии, на Западной Украине действуют группы активистов антифашистского действия.

В то же время результаты «Свободы» существенно улучшились в большинстве других регионов страны. Это, конечно, не значит, что партия Тягнибока может всерьез претендовать на то, чтобы войти здесь во власть, – однако указывает, что правая угроза становится реальной для Украины в целом.

Нужно понять и признать – «Свобода» уже является составной частью украинской власти. И она останется ей даже в ситуации, когда «Партия Регионов» еще больше усилит свой

контроль над страной. По итогам прошедших выборов партия Тягнибока проведет в местные советы разных уровней даже не десятки, а сотни депутатов – и, по сути, сформирует местную власть в ряде ключевых регионов Западной Украины. Помимо прочего, это активизирует деятельность радикальных нацистских групп, которые получают удостоверения помощников депутатов, покровительство чиновников и благосклонность оглядывающейся на них милиции. И наоборот – существенно ограничит деятельность антифашистов.

Борьба с правящей «Партией Регионов» невозможна без одновременной борьбы против ультраправой «Свободы» – уже потому, что она пытается перехватить акции и кампании против антисоциальной политики режима, используя их в собственных политических целях. При этом, являясь местной властью, «Свобода» будет нести прямую ответственность за социально-экономические проблемы жителей проголосовавших за нее регионов. Чтобы уйти от нее, функционеры Тягнибока еще больше усилят градус национального и социального популизма, виня во всех бедах мигрантов и «неукраинский олигархический капитал». И это вполне удовлетворит маргинализированный, обработанный патриотической пропагандой электорат.

Как можно противостоять дальнейшему политическому развитию «Свободы»? В первую очередь, для этого необходимо формировать широкое общественное движение против шовинизма и ксенофобии в украинской политике. Его главной задачей должна стать активная борьба против доминирования националистической пропаганды – или, иначе говоря, борьба за общественное сознание страны. Причем попытка создать такое движение станет своеобразным тестом для множества интеллигентов с «национал-демократическими» воззрениями – которым придется выбирать между демократией и национализмом.

Но даже эта необходимая мера не будет достаточной для эффективной борьбы против «Свободы». Остановить экспансию «национальной и социальной» партии может только создание политической левой организации, которая выдвинет лозунги борьбы за социальную эмансипацию рабочего класса, соединив их с лозунгом интернациональной солидарности. И будет активно, последовательно отстаивать их на практике.

Вопрос лишь в том, осознают ли эту ответственность левые.

Рабкор. ру, ноябрь 2010 г.

Русь, секс и мои родственники

На двадцатый год реставрации капитализма украинская интеллигенция достигла вершин на пути по лавкрафтовским Хребтам Безумия. Тем, кто «не в дискурсе», будет трудно в это поверить – но цвет украинской интеллектуальной элиты на полном серьезе обсуждает сейчас вопрос об исконном названии «Русь», бессовестно украденном монголизированными угро-финскими соседями из страны Моксель. Попутно они присвоили себе видоизмененный язык патентованных русов-русинов, которые, на свою голову, облагородили этих лесных полудикарей, привнеся в их чащи и пуши свет европейской цивилизации и культуры. И вот сейчас, после обвального краха «оранжевых» иллюзий, когда разоренная Украина, сменившая на своей шее политиков всех политических цветов, все глубже садится на кредитную иглу, пытаясь смягчить судороги кризисной ломки, когда власти закручивают гайки, спекулянты взвинчивают цены на хлеб, а немногочисленные левые активисты безнадежно пытаются отстоять минимум наших трудовых прав, пикейные жилеты украинского патриотизма нашли причину наших несчастий. Оказывается, все дело в том, что эта страна утратила некий сакрально-космический код, запечатленный в ее древнем похищенном имени. И когда Украина-Русь вновь обретет его, а нищие крестьяне и опустившиеся люмпены вкупе с презируемыми всей Европой заробитчанами с гордостью осознают себя русинами, свастическая благодать вновь воссияет над землями по обе стороны седого Днепра.

Александр Михельсон, добрый украинский патриот, сторонник умеренной дискриминации русского языка, пробовал было иронически высмеять эту дискуссию дремучих палеорасистов, разгоревшуюся на самом «демократическом» интернет-издании Украины. В статье «Русь как тема для секса» он напомнил о германском племени салических франков (стоило бы предупредить, что слово «салические» не дает повода искать в их истории украинский след), давших свое название государству галло-римской общности в западной части Европы. А мог бы привести целую кучу других примеров, вспомнив историю Британии, Греции, Македонии, Италии, Румынии или Молдовы – где исполняющий обязанности президента Михай Гимпу недавно объявил себя «потомственным дако-римлянином». Можно было даже осторожно напомнить, что «русы-украинцы» сами, и отнюдь не по своей воле, позаимствовали имя у клана норманнских пиратов – которые контролировали города на торговом пути из Константинополя, продавая туземцев-славян в рабство и проявляя к ним интерес только тогда, когда они забывали платить положенную дань. Но даже одного упоминания о франках и Франции, а также робко озвученного *appeal to reason*, хватило, чтобы на беднягу Михельсона обрушилась толпа критиков-патриотов. Причем они вменили ему в вину даже фамилию, крайне «подозрительную» на слух «истинных русов».

А вдалеке от этих интернет-бурь, в вымирающем селе, затерянном в украинской глубинке, среди прекрасной природы и руин колхозных строений, встретились члены нашей семьи. Безупречные представители нации, с точки зрения новейшей патриотической расологии, люди с национально-звучащими фамилиями, со светлыми или белыми волосами, зелено-голубыми глазами, прямым носом и выраженными мочками ушей. Жители села и их близкие родственники, выехавшие когда-то на работу в Тюмень, осевшие там, и теперь приехавшие с родными на все положенные девяносто дней «северного» отпуска.

Давно, когда село еще было живым, когда на заросших осиною полях росла пшеница и лен, а в развалившихся коровниках мычал скот, его жители регулярно ездили на газовые заработки – но возвращались домой, заработав на машину или на новый дом. Но в девяностых, когда все разом рухнуло, некоторые мои родственники оказались плохими патриотами. В том смысле, что они предпочли стабильность газпромовских зарплат гарантированной алкоголической нищете на своей родине – где в месяц можно было заработать лишь пару

сотен гривен, вырезая окрестный лес для иностранных мебельных фабрик. Никто из них не отказался пока от украинских паспортов, но их дети стали гражданами России. Один из них, мой юный троюродный брат, за месяц научился понимать знакомый ему в семье украинский язык. И слушал разговор в заполненной людьми хате, за столом, заставленным блюдами из картошки, грибов и мяса забитой вчера свиньи. Я тоже смотрел на этих добрых, веселых, счастливых и несчастных людей, слушал их живую украинскую речь – с тем настоящим юмором, который не снился никаким Петросьянам, и той подлинной горечью, которую нельзя имитировать фальшивой показной скорбью политиков. И думал, как чудовищно далека от них болтовня патриотических интеллигентов, заклинающих нас именем чуждого им народа. Их отделяют от него даже не тысячи километров, протянувшихся до нефтяной земли хантов и манси, – а целые вселенные безнадежного отчуждения.

Сидевшие за общим столом люди живут в разных странах, где живут разные народы, говорящие на разных языках, – но имеют одни и те же проблемы. Все они стараются выжить в вечной войне с дороговизной, инфляцией, жадностью работодателей и полицейским бес-пределом. Двадцать лет назад их разделили между собой границами, нечувствительными для представителей элит, но очень заметными для покупающих регистрацию и пробирающихся домой на поездах вахтовиков. По существу же страна осталась одной и той же – с поправкой на то, что открытый российский авторитаризм пока что подменен в Украине более гибкими формами диктатуры правящего класса. И россияне, и украинцы стали за эти годы еще более зависимыми – от произвола невидимой руки рынка и от милости своих хозяев. Кое-кто из них начинает осознавать: настоящая независимость заключается не в праздничных парадах, не в цветах флага и тексте гимна, и не в праве держать у себя на шее собственных паразитов. А в возможности бесплатно лечиться и качественно образовывать детей, быть свободным от страха потерять работу или накопленные в банке копейки, остаться без сгоревшего в пожарах, затопленного паводками жилья, имея на руках только лживые обещания власти.

Об этой, подлинной независимости можно будет говорить в обществе, где гармоническое развитие человека наконец-то придет на смену непрерывной борьбе за выживание и наживу. Безумные споры русских и украинских шовинистов, которые делят между собой старые названия стран и народов, сталкивая лбами ныне живущих соплеменников, будут казаться там таким же невежественным кошмаром, каким видятся нам схоластические споры средневековых инквизиторов. А языки и культуры разных народов будут защищены от рыночной конкуренции и спекуляции политиканов, полноценно развиваясь на равноправной основе.

Забавное для стороннего уха название «Маленькая Венеция» вовсе не помешало жителям Венесуэлы подняться с колен, распространив свое идейное влияние на весь континент и далеко за его пределы. Так думал я ночью, под полной луной, пробираясь между хат любимого с детства села – где всегда остро, с гордостью ощущаешь коренную принадлежность к своему поработанному народу. У нас, как и у россиян, тоже есть этот шанс.

Communist.ru, октябрь 2010 г.

Донбассофобия

«Спасибо жителям Донбасса за президента-п...са!». Этот слоган, который скандировали с трибун несколько сотен болельщиков киевского «Динамо», стал главным лозунгом и паролем нынешней оппозиции правящему режиму. В последние недели его можно слышать буквально отовсюду – из уст подсудимой Юлии Тимошенко, в эфире телевизионных шоу и в интернет-комментариях национал-демократических офисных клерков. Почти каждый раз эти слова срывали аплодисменты патриотической публики – будьте дружные хлопки в студии у Шустера или несчетное множество одобрительных «лайков» на страницах фейсбука.

То, что эту фразу впервые озвучили фанаты столичного клуба, трибуны которого давно стали средой легального развития нацистского движения, никоим образом не смущает записных патриотов. Они на полном серьезе рассматривают ее в качестве удачного и остроумного вызова системе, совершенно игнорируя оскорбительный, расистский контекст этих слов – которые, в конечном счете, несут в себе социальный подтекст. И эффективно разъединяют наших сограждан, обеспечивая этим стабильность нынешнего режима.

Позорный комплекс «донбассофобии» впервые проявил себя во время оранжевых событий конца 2004 года. В то время многие из сторонников Виктора Ющенко взяли на вооружение тактику своих конкурентов из политтехнологической команды Глеба Павловского, пытаясь сыграть на искусственной попытке противопоставить друг другу различные регионы страны. Ведь прекраснодушный лозунг «Схід і Захід разом!», который скандировали с трибун Майдана тогдашние властители дум – и нынешние лузеры украинской политики, – имел своей изнанкой совсем другую, знакомую всем фразу: «Не ссы в подъезде – ты же не донецкий!».

Не будем скрывать – эти слова пользовались массовой популярностью в те незабвенные квазиреволюционные дни. И хотя в «оранжевом» палаточном городке жили нормальные люди, которые не стеснялись употреблять напитки разной степени крепости, не чуждались матерного словца, вполне могли влезть в драку, заняться сексом и практиковали естественные человеческие отправления – застегивая ширинку после посещения ближайшей подворотни, – там все равно рассказывали легенды о запредельном хамстве и свинстве «этих донецких» – имея в виду не Януковича и Ахметова, а стереотипных работяг из индустриального восточного региона.

Доказательством этих легенд обычно служили фотографии принудительно свезенных «регионалами» горняков, заснятых где-то в парке со стаканами водки или пивными бутылками в руках. Естественно – эти люди не имели никакого желания биться за своего кандидата, и, пользуясь случаем, приятно проводили время в столице – примерно таким же образом, как и описанные выше «оранжевые». Эпицентр противостояния ограничивался центром Киева. Так что люди из разных палаточных и политических лагерей зачастую использовали под туалеты одни и те же подъезды. И хотя «донецкие» давно вернулись на родину, в парках Киева почему-то по-прежнему валяется мусор – а иногда и тела перебравших «коренных киевлян».

Сегодня достаточно сходить к колоннам киевского Главпочтамта – где после всех чисток, уничтоживших антисемитские надписи эпохи Майдана, уцелело граффити фанатов «Динамо», с эсэсовскими рунами и кельтским крестом, – чтобы понять логическую идейную связь между общеизвестным донбассофобским лозунгом тех лет и нынешней фанатской кричалкой, растиражированной сейчас на футболках и на фейсбуке.

В те дни я много раз слышал шуточку о «подъездах». Ее с удовольствием повторяли мои знакомые. Они вполне искренне считали «донецких» пассивным покорным «быдлом»,

полудикими «орками» подземного украинского Мордора – противопоставляя их «граждански сознательному» и «свободолюбивому» населению других регионов.

Большинство этих людей знали о Донбассе лишь понаслышке – а мне приходилось бывать в этом регионе, останавливаясь в рабочих поселках, спускаясь в шахты и участвуя в акциях протеста на рубеже нового века. Я знал, что, когда киевляне пассивно сносили притеснения новых хозяев жизни, шахтеры шли маршами на столицу, иногда в сопровождении своих жен и детей. В то время только они выбивали себе зарплату дружным стуком касок или блокированием дорог. Еще в 1998 году, в день независимости, когда в Киеве гремел обычный пивной концерт, рабочие в центре Луганска по настоящему дрались с ОМОНОм, который напустили на них напуганные протестами власти, – развенчивая миф о «забитом» «покорном» Донбассе. А спустя год активисты местных ячеек шахтерского НППУ устроили слет на берегу воспетого Сосурой Северского Донца, около футуристического памятника Артему, лидеру австралийских и украинских рабочих. И оратор из коллектива шахты «Ореховская» цитировал собравшимся написанные на нем слова: «Зрелище неорганизованных масс для меня невыносимо».

Действительность говорит: жители Донбасса «пассивны» не более и не менее, чем жители «патриотических» регионов – которые точно также поддавались на пропаганду, едва ли не стопроцентно голосуя за «демократического кандидата». Множество «донецких» никогда не имели приписываемых им рабских симпатий к местным чиновникам и нуворишам, которые дорвались сейчас до власти во всеукраинском масштабе. Действительно, они большей частью терпеливо сносили их гнет – но разве этот упрек нельзя адресовать жителям Киева или Львова, где годами заправляют точно такие же одиозные и циничные политики, которых отличает лишь патриотическая риторика с налетом той самой донбассофобии? Эти субъекты пытаются объяснить все наши нынешние проблемы пресловутым «засильем донецких» – но только для того, чтобы снять с себя собственную вину за реальное положение дел. И в этом состоит весь нехитрый секрет лозунга, звучавшего с трибун столичного стадиона.

Конечно, мы должны благодарить за Януковича именно донецких работяг, которые не спешат вкусить от «неизъяснимых наслаждений» сучукрлита и хотят смотреть кино «на языке попсы и блатняка» (пусть даже на нем разговаривает в миру сама Тимошенко, а также большая часть завсегдаев динамовских трибун). А вовсе не бездарную оранжевую элиту, которая, обладая всей полнотой власти, совершенно дискредитировала себя в глазах вчерашних сторонников, обеспечив неизбежную победу «регионалов».

Но дело отнюдь не в языковом вопросе, служащем искусственным фактором разделения украинцев. Гораздо важнее то, что донбассофобия несет в себе выраженный социальный подтекст. «Интеллигентная» офисная публика (включая выходцев из восточного региона, которые с усердием неوفитов упражняются в культурной ненависти к собственным землякам) нередко третирует жителей Востока именно в качестве стереотипного «рабочего быдла», намекая на пролетарский социальный состав этого региона, который приобрел в глазах либералов образ эдакого «совкового» заповедника. Среднестатистический житель «индустриального» Донбасса стоит в их представлении на нижних ступенях социально-культурной лестницы – и здесь явно звучат нотки «социального расизма». Мастера благородных офисных ремесел, которые с трудом тянут лямку кредитов, а также маргинализованные люмпены окраинных киевских районов одинаково пытаются самоутвердиться за счет показного презрения в адрес «донецких» – хотя сами являются жителями нищей, периферийной страны, которая чаще всего ассоциируется за рубежом с гастарбайтерами и проститутками (неважно, из какого региона страны они выехали в заграничные наймы). Забавно, но это отношение к «донецким» по существу копирует отношение «центровых» киевских буржуа к жителям «неблагополучных» кварталов Троещины или Борщаговки –

где, по иронии судьбы, обитает немало болельщиков киевского «Динамо». И в свое время автору этой статьи даже пришлось писать колонку против «троещинофобии» – которая во многом повторяет выводы этого текста.

Термин «расизм» во всех смыслах подходит к определению данного стереотипа – ведь это понятие отнюдь не ограничивается предрассудками в адрес людей с другим цветом кожи. К примеру, представители угнетенного англосаксонского пролетариата Британской Империи (а позднее – Североамериканских Соединенных Штатов) всю третируют ирландцев, стоявших еще ниже в социальной табели современного им общества, – высмеивая их «культурную отсталость» и «дикость». История ненависти знает немало подобных примеров. И достаточно углубиться в интернет-писанину доморожденных патриотов, которые вдумчиво пишут о «межнациональной мешанине жителей Донбасса», оторванного от «исконных исторических и культурных корней украинского народа», чтобы понять – слово «расизм» как нельзя лучше характеризует глубинные корни донбассофобии.

Патриотическая интеллигенция называет расизмом галицефобские высказывания Табачника – хотя есть некая ирония в том, что эти обвинения впервые озвучил известный «борец с расизмом» Сергей Квит, апологет идей Дмитрия Донцова, освящающий личным присутствием сборище «свободовцев» в стенах своего вуза. Но когда Юрий Андрухович призывает избавить страну от Донбасса, а Василий Шкляр требует отрезать от Украины «гангрону» в виде Крыма и прочих «неукраинских» регионов, это совершенно не сказывается на их имидже. Предвыборная кампания Юлии Тимошенко, построенная на принципе «hate speech», с видеороликами про «донецких орков» и картами исторических памятников, призванными обосновать культурную отсталость Востока страны, не вызвала протестов ее сторонников. А те, кто повторяет сейчас матерную благодарность жителям Донбасса, на полном серьезе считают себя культурными, образованными людьми, носителями «европейских цивилизационных ценностей» etc.

Фанатская кричалка, азартно подхваченная политиками и обывателями, не просто укрепляет антисоциальный режим Януковича – который рассчитывает мобилизовать с ее помощью жителей «своей» части разделенной на Восток и Запад страны. Ее популярность свидетельствует о том, что национал-либеральная буржуазия, желающая представить себя альтернативой этому режиму, на самом деле намерена все так же делить нас по региональнокультурному признаку – чтобы обеспечить стабильность социального угнетения жителей Донецка и Киева, которых сталкивают между собой лбами эти лукавые и постыдные лозунги. Хотя грабительские «реформы» последних десятилетий одинаковым образом бьют по трудящимся людям во всех городах и весях.

Пора понять – на нашей шее сидят паразиты из разных регионов нашей страны, объединенные общим классовым интересом. И благодарить за это можно только самих себя.

Liva.com.ua, сентябрь 2011 г.

Вино разлива 2011 года

Суеверные люди ждут в 2012 году конец света. Хороший повод посмеяться и пошутить за новогодним столом – но не следует забывать: эти социально-психологические настроения, отраженные в блокбастерах на апокалиптическую тему, указывают на глубокую общественную нестабильность, которая является следствием мирового кризиса.

В каком-то смысле эти страхи имеют реальную основу – ведь события последних лет действительно предвещают конец привычного нам миропорядка. Внимая байкам о мистических знамениях и древних пророчествах майя, жители глобализованного мира думают о вполне обыденных и совершенно реалистичных вещах – об угрозе дефолта и экономическом крахе, об инфляции и увольнениях, о сокращении пособий и увеличении пенсионного возраста, о долгах, ценах и о том, что ожидает их завтра.

Радужные представления о потребительском будущем, построенном на дешевых кредитах, которые еще несколько лет назад придавали смысл жизни многим миллионам людей, сменяются паническим страхом перед завтрашним днем. Это настоящий конец света – в том смысле, что речь идет о конце эпохи неолиберализма, который был торжественно провозглашен завершающей стадией истории человечества. Нам годами внушали, что мир может быть только таким – и вот этот мир распадается на наших глазах, и вопрос о том, что будет после него, заботит теперь не только патентованных левых, но и те самые массы, интересы которых они всегда надеялись выражать.

Революционные выступления прошедшего 2011 года были попыткой ответа на этот вопрос. Волна масштабных социальных протестов, которая прокатилась по всему миру, начавшись с январских бунтов в Тунисе и Египте, по существу, явилась политическим выражением мирового экономического кризиса. Стагнация и коллапс глобальной экономики спровоцировали глубокий кризис существующих социально-политических институтов и самой неолиберальной идеологии – то есть надстроечных форм экономического базиса капитализма.

Кризис не просто подорвал догматическую веру в эффективность неолиберальных экономических схем. Он наглядно демонстрирует, что существующая политическая система всецело ориентирована на обслуживание и поддержку неолиберальной экономики в интересах социальных элит – ради их обогащения и господства над остальными слоями общества. А представители разных политических сил одинаково выражают этот общий интерес правящего класса, который в корне противоречит интересам общественного большинства. Политическая демагогия либерализма с ритуальными заклинаниями о «демократических правах и свободах» начала терять прежнее безраздельное господство над массовым сознанием, где она полностью доминировала в девяностых и «нулевых». Ведь миллионы людей остро ощутили дефицит социальных прав и свобод, которые приносят в жертву кризису через циничную «политику экономии», спасая капиталы банкиров за счет кошельков обывателей.

Результатом этого стало «яростное отрицание системы представительства», как характеризовали эти настроения Антонио Негри и Майкл Хардт. «Ни Мубарак, ни Бен Али, ни банкиры с Уолл-стрит, ни медиа-элиты, ни президенты, ни губернаторы, ни депутаты, ни избранные чиновники – никто из них не представляет нас», – формулируют они посыл этого массового недовольства традиционными системами, которое проявляет себя практически повсюду – в США и в России, в Украине, в Евросоюзе, в Израиле и в арабском мире.

За этим недоверием к политикам и банкирам, безусловно, кроется растущее недоверие ко всей представленной ими системе экономических и социально-политических отношений. Однако этот очевидный кризис капитализма одновременно с ясностью указал на системный

кризис антикапиталистической альтернативы – что наглядно продемонстрировали мировые протесты 2011 года.

Приятная эйфория от массовых выступлений, от их частных успехов и впечатляющей географической широты, не может скрыть этой общей проблемы. С одной стороны, участники глобального протеста крайне смутно представляют себе проект нового общества, которое, по их мнению, должно прийти на место обанкротившейся системы капитализма. А эта идеологическая неопределенность и увлечение утопическими, маниловскими сценариями общественных реформ мешает сформулировать программу действий, чтобы предложить ее недовольным массам – о чем очень точно говорит сейчас Славой Жижек:

«Проблема капитализма была одной из наиболее важных на протяжении XX века. Затем в последние десятилетия традиционные левые перестали ее поднимать, сконцентрировав усилия на конкретных проблемах, вроде расизма и сексизма. Но ведь проблема-то осталась, и я утверждаю, что старые варианты ответов на этот вопрос более не работают. Поэтому, как отмечают и критики левых, и симпатизирующие им люди, ощущается определенный дефицит конкретных предложений – если не считать абстрактных лозунгов, вроде испанских "возмущенных", требующих, чтобы "деньги служили людям, а не люди деньгам", – под этим мог бы подписаться и любой фашист... Речь идет не только о государственном социализме или социал-демократическом государстве всеобщего благоденствия – но также и о левых утопиях о "горизонтальной организации", локальных сообществах, прямой демократии, самоорганизации. Все это, полагаю, не работает».

С другой стороны, как показали протесты 2011 года, у левых все еще нет инструментов политического действия, которые позволили бы претворить в жизнь программу общественных преобразований. Негри и Хардт вслух мечтают о «новых формах реальной демократии», которые должны родиться из стихии протестов, будто Афродита из пены бушующего моря, – но ничего не говорят о том, каким образом эти формы смогут утвердиться в обществе, заменив собой буксующую ныне систему «представительской демократии».

Этот острый кризис политической субъектности левых является одним из наиболее показательных результатов революционных событий. Ведь очевидно, что дискредитированные кризисом элиты отнюдь не собираются добровольно передавать власть в руки «недовольных». Они игнорируют протесты – или попросту разгоняют их силами полицейских нарядов. Политика – это реальное соотношение реальных сил. Огромный мировой резонанс движения «оккупай» не помешал властям ликвидировать протестный лагерь в Зукотти-парке через обыкновенное решение суда с гербовой печатью на бумажке, подкрепленное полицейскими патрулями Нижнего Манхэттена. Миллионы американцев искренне сочувствовали участникам этого самого популярного движения последних десятилетий. Однако его представители так и не выработали организационных форм, которые позволили бы перевести это сочувствие в политическое действие – превратив разрозненную массу недовольных в организованную силу, способную не только защитить свое право на публичный протест, но и претендовать на то, чтобы самостоятельно осуществлять управление страной.

«Проблема в том, что переход от стихийного возмущения к организованной борьбе – это и есть самое большое чудо, которое мы должны осуществить в данный исторический момент – и сами до конца не знаем, как. В том смысле, что рецепты, наработанные историей, верны, но недостаточны. Нужно что-то ещё, какой-то "пятый элемент" политического действия. Некий консолидирующий проект, способный вызвать процесс стихийной политической самоорганизации снизу – в дополнение к нашим усилиям сверху. Как ленинские "Апрельские тезисы", как лозунг республики, ставший у Робеспьера социальным лозунгом. Что-то из области политической интуиции, когда настроения и потребности масс консолидируются в одной решающей формуле», – заметил в переписке с автором этой статьи Борис Кагарлицкий.

Вопрос в том, способны ли мы выработать сейчас эту формулу? В то время как буржуазия консолидируется перед лицом угрозы своему безраздельному классовому господству, левые антикапиталистические группы продолжают пребывать в бессильном и разрозненном состоянии. В этом смысле особенно показателен пример Греции, где левые избивают друг друга, вместо того чтобы решиться на попытку взять власть в этой наиболее ослабленной кризисом стране – пока местные элиты формируют коалиционный кабинет, чтобы спасти от краха неолиберальный режим.

Инфантильность и маргинальное прозябание левых резко контрастирует с значением и масштабом задач, которые ставит сейчас перед нами история. Нужно признать, что мы не в силах ответить на эти вызовы. Ведь именно кризис левой субъектности объясняет тот факт, что протестные выступления 2011 года нередко проходили под либеральными лозунгами – а имперские хищники и оппозиционные группировки националистов и либеральной буржуазии практически повсеместно пытаются использовать их в своих интересах, идущих вразрез с интересами протестующих масс.

Эти события нередко сравнивают с волной европейских буржуазно-демократических революций 1848 года, в которых участвовали представители разных социальных слоев, невзирая на противоречия в своих лозунгах и классовых интересах. Это верно – в том смысле, что современные левые обязаны преодолевать сектантские настроения, активно участвуя в массовых уличных протестах. Но нельзя забывать, что, начавшись февральским восстанием против «короля-буржуа» Луи-Филиппа, французская революция 1848 года уже в июне закончилась расстрелом парижских рабочих, которых убивали их вчерашние союзники, патриоты и либералы-республиканцы. Принимая участие в нынешних выступлениях, левые обязаны последовательно проводить в них собственную политическую линию, выдвигать свои лозунги, выработать левую политическую программу и бороться за то, чтобы она стала программой движения разоренных кризисом масс. В противном случае буржуазия использует энергию народных протестов во внутренней конкурентной борьбе – а затем постарается brutally подавить этот протест, как это недавно случилось в Египте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.